

«ИОАННО-ПРЕДТЕЧЕНСКАЯ ТЕМА» В «БРАТЬЯХ КАРАМАЗОВЫХ»

Всякий церковный человек сверяет свою жизнь с церковным календарем; зная, какому празднику посвящен сегодняшней день и какие чтения Евангелия и апостольских посланий на нынешний день совершаются на литургии, человек соотносит собственное существование и события его — большие и малые — с тем всемирно-историческим и космическим «фоном», на котором происходит его жизнь.

Нет сомнения, что церковный календарь имеет существеннейшее и, может быть, еще не оцененное литературоведами значение для понимания развития идеи и действия в романах Достоевского (рискну сказать: может быть, и в русской классике в целом). Попробуем с этой точки зрения взглянуть на начало «Братьев Карамазовых».

Итак: «Выдался прекрасный, теплый и ясный день. Был конец августа»...

И только-то?

Да, только-то. Но ведь сказано очень много. Смее утверждать, что в этих двух фразах — завязь, формула всего сюжета романа; и событий, имеющих произойти, и некоторых существенных для романа идей.

Конец августа по старому стилю (точнее сказать — 29-е августа, по новому же стилю — 11-е сентября) — праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи. Стало быть, события романа начинаются где-то в преддверии этого большого, заметного в церковном календаре дня.

Кстати, тут же заметим и другое. Уже многое сказано в литературоведении о том, что монастырь в «Братьях...» написан Достоевским под впечатлением Оптиной пустыни, а старец Зосима есть портрет Амвросия Оптинского¹. Но в таком случае логично было бы предположить, что скит в романе — это изображение **Иоанно-Предтеченского** скита в Оптиной.

¹ Это сходство, впрочем, ставится под большое сомнение некоторыми людьми Церкви (сошлюсь на мнение о. Павла Карташова).

Таким образом, и место, и время (время — во всяком случае) начала романного действия связаны с Иоанном Крестителем, о казни которого Иродом известно зачастую даже и людям, не читавшим Св. Писания. Характерны (с психологической точки зрения) три пункта, выделяемых широким восприятием из истории Предтечи: 1) Саломея угождает пляской Ироду, 2) Иродиада через дочь требует головы Предтечи, 3) голова Святого отрубается мечом и подается его неукротимой врагине на блюде.

Все три пункта, с моей точки зрения, имеют целую систему прямых и косвенных отражений в ткани романа. Естественно — рассуждая о «Братьях Карамазовых» — начать с третьего пункта.

Если можно так выразиться, «мотив головы», «тема головы», разные семантические значения этого образа присутствуют в романе, причем в очень ярком, настоящем, так сказать, виде. Заметим, кстати, что в большинстве случаев речь идет о голове «усеченной», или разбитой, или как-то иначе поврежденной. Как это часто бывает у Достоевского, тема открывается анекдотом, непроверенными, перевранными сведениями, и лишь к концу романа предстает и раскрывается в своем подлинном значении и масштабе.

В келье старца Карамазов-отец, паясничая, уличает своего родственника — либерала и «парижанина» Миусова: тот как-то «за обедом» высмеял при Федоре Павловиче рассказ из Четьи-Минеи, в котором будто бы повествовалось о «каком-то святом чудотворце, которого мучили за веру, и когда отрубили ему под конец голову, то он встал, поднял свою голову и «любезно ее лобызаше», и долго шел, неся ее в руках, и «любезно ее лобызаше». Присутствующие иеромонахи опровергают интеллигентский анекдот Миусова, Петр Александрович оказывается посрамленным, развязка созревающего между ним и отцом-Карамазовым скандала близится.

Между тем значимые слова об отрубленной голове произнесены. Паясничавший «Езоп», «Пьеро» — Федор Павлович не ведает, что в ближайшее время он будет убит — именно ударом в голову. Этому роковому удару, нанесенному Смердяковым, в романе предшествует еще серия ударов — Митя врывается к отцу и избивает его, нанося ему удары по лицу и по голове, так что тот после избивания ходит с повязкой; Митя, стороживший отца в саду, наносит удар старику-слуге — опять-таки по голове.

Если же обратиться к другому значению слова «голова», «глава» — «глава семейства» — то и тут мы имеем дело с «поврежденной» главой. Карамазов-старший — это рана, язва всего семейства, не случайно наложенная именно на старшего в роду.

Как мы знаем, дети отвечают за грехи родителей. Как расплачивается Митя, хорошо известно. Но Митя неповинен в крови отца. Виновны Смердяков и Иван, и каждый из них платится таким именно образом, каким согрешил. Смердяков, физический исполнитель убийства отца (нанесением удара в голову), вешается (то есть физически отделяет собственную голову от тела). Теоретик убийства Иван, делающий на суде вывод: «Все желают смерти отца»², сам оказывается «пораженным в голову», в гнездилище мыслей — заболевает горячкой, впадает в умоисступление.

С. С. Аверинцев даже в сжатой энциклопедической статье находит место для упоминания о «трагических контрастах пиршества и казни, глумливой греховности и страждущей святости, вкрадчивой женственности и открытого палачества, присущих сюжету усекновения главы Иоанна Крестителя»³. Нечего и говорить о том, насколько отчетливо, наглядно присутствие этих черт истории Крестителя в романах Достоевского, — и в «Братьях Карамазовых» в частности. Так, вспомним хотя бы провокационную, inferнальную «иродиадскую» сторону поведения двух главных героинь «Братьев...» (впрочем, и о Лизе Хохлаковой можно сказать отчасти то же самое). В разных ситуациях романа героини как бы «жаждут крови» геросв, стремятся довести их до крайности (Грушенька и Алеша, Грушенька и Митя, Катерина Ивановна и Иван) или напрямую их губят (Катерина Ивановна и Митя).

Может быть, и не вполне случайно, что в сцене кутежа в Мокром, когда Грушенька понимает, что любит Митю, пляска ей не удается: «Слаба... — проговорила она измученным каким-то голосом, — Простите, слаба, не могу... Виновата...» Заговорило сердце, и Грушенька расстается со своей провокационной ролью, которую можно обозначить как роль Саломеи, «роковой плясуньи», искусительницы и мучительницы.

Но и этим тема Иоанна Предтечи в романе, по-моему, не исчерпывается. Ее косвенное продолжение и последующее развитие можно увидеть в некоторых именах и названиях, встречающихся в романе далее.

Как известно, уголовное дело, легшее в основу романа, совершилось в семействе Ильинских (кое-где в черновиках Дмитрий именуется Ильинским). Не случайно, что Илюша Снегирев получает именно это, а не какое-нибудь иное имя. Близость образов Иоанна Крестителя к образу Илии-пророка очень велика. Сам Спаситель говорит об Иоанне, называя его иносказательно «Илией»: «И спросили Его ученики Его: как же книжники гово-

² Имея, понятно, в виду Отца Небесного.

³ Энциклопедия «Мифы народов мира». М., 1991, т. 1, с. 553.

рят, что Илии надлежит придти прежде. Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить всё; но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них. Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе» (Матф., 17, 10—13).

Илюшечка в романе на свой лад и в свою меру «устраивает всё»: он смягчает сердца своих школьных товарищей, своей жизнью и смертью помогает им раскаяться в своей прошлой злобе и полюбить друг друга на настоящее и будущее. Так раскрывается христианское отношение Достоевского к детям как — хотя бы потенциально — к ангелам Божиим. И не случайно опять-таки действие десятой книги романа («Мальчики») начинается в начале ноября. Восьмого ноября (двадцать первого по новому стилю) отмечается день Архистратига Михаила (точнее говоря — «Собор Архистратига Михаила»). Кстати, когда Алеша сталкивается впервые с Илюшей и с его школьными недругами (в главе «Связался со школьниками»), то об Илюше говорится: «Мальчику за канавкой ударило камнем в грудь; он вскрикнул, заплакал и побежал в гору, на Михайловскую улицу... — Вы туда же идете, в Михайловскую? — продолжал тот же мальчик. — Так вот догоните-ка его... Вон видите, он остановился опять, ждет и на вас глядит». Эта отмеченность места и времени присутствием архангела Михаила говорит о многом. Дети способны достигнуть ангельского чина, — уже было сказано, что смерть, похороны и посмертная роль Илюшечки в объединении мальчиков свидетельствуют об этом. Но ребенок — отрок (а не младенец), как и всякий человек вообще, достигает этого через максимально полное, доступное ему покаяние, через сознательный отказ от всего, что было прежде. Учителем же покаяния считается Иоанн Креститель. Достижение Иоанном Крестителем потенциальной для всякого человека «ангелоподобности» фиксирует иконопись: хорошо известен иконописный сюжет «Иоанн Предтеча — Ангел пустыни», где Святой изображен с ангельскими крыльями. Евангелист Марк, ссылаясь на пророка Малахию, передает слова: «вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою» (Мк., 1, 2), — и далее переходит к рассказу о проповеди Иоанна Предтечи, предвавшей явление Христа.

Тема Иоанна Предтечи вбирает, полагаю, самое существенное, что есть в романе и в творчестве Достоевского в целом: идею неотложности и, если можно так сказать, всегдашней своевременности покаяния, возможности преображения любого человека и достижения им ангельского света. Как читается в каноне Иоанну Предтече: «Законополагаяй людем спасение в раскаянии, Предте-

че, прегрешений бывшее, посреди закона и благодати стал еси. Сего ради молим тя: образи покаяния нас просвети. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу (...) Дажь десницу мне на земли лежащему, Предтече, иже десницу простер, и омыл еси водами Нескверного, и избави мя скверны телесныя, всего мя очищая покаянием, и спаси мя. Святый великий Иоанне, Предтече Гоподень, моли Бога о нас».